

И. Н. Апоненко

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЦИКЛЕ СКАЗОК «ПОСОЛОНЬ» А. М. РЕМИЗОВА

Исследованы особенности наименований персонажей в литературной сказке начала XX века. За основу взят цикл сказок «Посолонь» А. М. Ремизова, в котором были выявлены традиционные «сказочные» имена, мифонимы, зоонимы. Писатель в сказочных текстах использует развертывание мифологических мотивов, обрядов, игр, обращается к онимическому новаторству, индивидуальному имятворчеству, ономастической игре.

Ключевые слова: имя, мифоним, зооним, наименование, сказка, ономастическая игра.

Апоненко І. М., ДЗ «Дніпропетровська медична академія МЗ України». **ОСОБЛИВОСТІ НАЙМЕНУВАНЬ ПЕРСОНАЖІВ У ЦИКЛІ КАЗОК «ПОСОЛОНЬ» О. М. РЕМІЗОВА**

Досліджено особливості найменувань персонажів у літературній казці початку XX ст. За основу взято цикл казок «Посолонь» О. М. Ремізова, у якому були виявлені традиційні «казкові» імена, міфоніми, зооніми. Встановлено, що письменник вдається також до розгортання міфологічних мотивів, обрядів, ігор та до онімичного новаторства, індивідуальної ім'ятворчості, ономастичної гри.

Ключові слова: ім'я, міфонім, зоонім, найменування, казка, ономастична гра.

Aponenko I. N., SE «Dnepropetrovsk Medical Academy, Ministry of Health Ukraine». **THE CHARACTER NAMES PECULIARITIES IN THE COLLECTION OF O. M. REMIZOV'S FAIRY TALES «POSOLON»**

The creative works by A. Remizov are a significant piece of the Russian literature of the turn of the XIX–XX cc. The collection *Posolon'* (1907) was his debut in the field of fairy tales. The works by Remizov still lack linguistic and especially onomastic scholarings. The present paper aims at specifying the peculiar features of the characters' names in the fairy tales by Remizov. Furthermore, the paper dwells on the description of the *Posolon'*'s onymic space and the investigation of its structure and the semantics of the characters' names.

The collection of the tales by Remizov is structured as a travel through the seasons, with the sun – hence the title of the collection (the year starts in spring and ends in the late winter). The author succeeded in finding the precise presentation of his tales basing on the ethnographic calendar cycle. Thus Remizov turns to various folklore sources: fairy tales, myths, bylines, proverbs and sayings, songs, games etc. which allowed the author to create a natural unity of the heteroggenre texts and certainly had the great influence on the onymic space and affected the synthesis of the characters' names. Remizov tends to keeping the traditional fairy-tales names and their structure, zoonyms and zoophoric naming, uses mythonyms and agionyms, implements the real antroponymics and still is able to reflect the colloquial pronunciation.

The specific characteristics of Remizov's authentic naming's creativity are as follows: the author creates the character's names with the folklore or mythic ones as a pattern; turns to the contextual play on words of the names with easy-to-read semantics; the appellatives, i.e. names of customs, traditions, folklore games are used as proper names; onymizes the names of illnesses and toys; uses the paired names.

Key words: name, mythonym, zoonym, character names, onomastic game, fairy tale.

В русской литературе конца XIX – начала XX века происходит всплеск интереса к сказочной фантастике. В связи с этим начинается расцвет жанра литературной сказки. Создается огромное количество детской литературы (и не только

сказочной), появляется много переводов, а также научно-популярной литературы для детей. Сказки создаются для детей, а сказочное ассоциируется с миром детства.

Среди литературных сказок рубежа веков выделяются оригинальные авторские сказки Алексея Ремизова, ориентированные на русские народные по жанру, сюжету и языку. Дебютом писателя стал сборник сказок «Пóсолонь» (1907) – самая светлая, жизнеутверждающая из его книг.

Следует признать, что книга «Пóсолонь» не относится к числу малоизученных произведений Ремизова. Исследователей-ремизоведов интересует автобиографический контекст произведения, его мифологические и фольклорные истоки (С. Н. Доценко [8], Ю. В. Розанов [16], О. А. Чуйкова [21]), влияние древнерусской литературы на стиль художника, поэта произведения Ремизова (И. Ф. Данилова [7], О. В. Артемьева [2]), его жанровая специфика, ритмическая организация, художественная гипнология, проблема интертекстуальности (И. Ю. Целовальников [20]) и др.

С лингвистической точки зрения произведения Ремизова изучены недостаточно. Можно выделить статью И. Ф. Даниловой, посвященную изучению имен персонажей в повести А. М. Ремизова «Что есть табак» [6, с. 293–311], а также коллективную работу В. Б. Колосовой и С. Ю. Королевой, в которой рассматривается мифология растений и затрагиваются названия фитонимов [12]. Поэтому целью данной статьи является установить особенности наименований персонажей в ремизовских сказках. Цель определила конкретные задачи: описать онимическое пространство «Пóсолони», изучить структуру и семантику наименований персонажей.

В цикле «Пóсолонь» органично взаимодействуют фольклорные, мифологические и индивидуально-авторские контексты. Именно эти контексты определяют траекторию анализа произведения и наименований персонажей в нем.

Сборник сказок выстроен А. М. Ремизовым как путешествие по временам года, по Солнцу – отсюда и название цикла «Пóсолонь». Начинается год весной, а заканчивается «Медвежьей колыбельной песней» – глубокой зимой. Автору удалось найти, как пишет И. Ф. Данилова, исключительно точную форму подачи своих сказок, основанных на этнографических материалах, в которых описываются архаические народные обряды: композиция здесь воспроизводит календарно-обрядовый цикл [7]. Соответственно обращается Ремизов к различным фольклорным источникам: народным сказкам, былинам, пословицам и поговоркам, загадкам, а также различным заговорам, играм, мифам.

В сказках «Пóсолони» представлены типичные «сказочные» наименования: *Иван-царевич*, *Иван-поп* («Купальские огни»), *Снегурушка* («Снегурушка»); мифонимы: *Водяной*, *Баба-Яга*, *Домовой*, *Кощей* («Купальские огни»), *Змей* («Змей»), *Кикимора* («Кикимора»).

Помимо введения «сказочных» наименований Ремизов использует и наиболее сказочную структуру «имя + приложение», что создает стилизацию под фольклор: *Копчушка-царевна*, *Коцца-ведьма* («Ночь темная»). Так, наименование *Коцца-ведьма* ассоциируется с мифологическим отрицательным героем *Кощеем Бессмертным*, образованным от нарицательного «кость», а если глубже – с «касть», сокращенного от «капость» – пакость, мерзость, скверна, нечистое [5, т. 2, с. 95]. *Копчушка* – персонаж, заимствованный автором из известной сказки братьев Гримм «Ashenputtel», хотя само имя передается Ремизовым не в классическом переводе – *Золушка* (Ashen – зола, puttel – девочка-подросток), а иносказательно, возможно от глагола «коптеть».

Традиционно героями сказок являются и разнообразные животные, птицы, которые обозначаются как с помощью нарицательных (*лиса, волк, медведь*), так и посредством имен собственных.

Самой распространённой структурой наименования животных является одно имя: пёс *Фингал* («Морщинка»), собака *Шавка* («Ночь тёмная»), змея *Скоропея* («Купальские огни»), *Медведь* («Зайчик Иваныч»), *Червячок* («Зайка»). В сказке «Кошки и мышки» используется зооним в виде отчества *Котофеевна*.

В традиционных фольклорных текстах часто наименование животного (или птицы) представлено в виде «антропонимизации» исходного апеллятива. Этот же прием находим и в сказках Ремизова. Так, апеллятив *кот* у писателя «получает» оригинальную суффиксацию по типу антропонимов: *кот + онай* → *Котонай* (ср.: Ермолай, Николай), *кот + офей* → *Котофей* (ср.: Тимофей, Дорофей).

Понимание под животным человека, то есть антропологизация, обусловило использование структурной модели «имя+отчество»: *Зайчик Иваныч, Зайчиха Ивановна* («Зайчик Иваныч»). Кроме того, А. М. Ремизов вводит в сказки таутономические (тавтологические) сочетания: *Котофей Котофеич* («Корочун»), *Сворец Сворцович* («Медведюшка»). Патроним в этих сочетаниях является средством персонификации, а сами сочетания можно квалифицировать как антропоморфизирующий повтор.

Наименования животных в «Пóсолони» Ремизова представлены также в виде имени и прозвища: мыши *Алишка – кургузка*¹ и *Морщинка – долгоуска*, *Коза – золотые рога* («Морщинка»), *Кот – седоус* («Кошки и мышки»), *Петушок – золотой гребешок*, *Белки – мохнатки* («Зайка»), *Леснь – птица*² («Кострома»), *Вындрик – зверь*³ («Борода»).

Такие зоофорные имена известны человечеству с глубокой древности, ведут свое начало со времен тотемизма и фетишизма и зафиксированы фольклорными сказочными произведениями. Сравните в сказках А. Н. Афанасьева: *Ворон Воронич* («Три царства – медное, серебряное, золотое») [4, т. 1, № 130], *Котофей Иванович* («Кот и Лиса») [Там же, № 40], *Петя-петушок* («Кот, петух и лиса») [Там же, № 37] и т. п.

В «Пóсолони» представлены готовые типичные «сказочные» наименования персонажей, зоонимы и мифонимы. А. М. Ремизов вводит в сказочные тексты реальную антропонимию, отображая тем самым окружающую его действительность:

1. Одночленные собственные имена:

1.1. Имя: *Агафья, Дарья, Марья* («Зайчик Иванович»), *Пахом* («Черный петух»), *Аришка* («Куральские огни»), *Василиса* («Борода»), *Кузьма* («Троецыпленница»).

1.2. Отчество: *Власьевна* («Медведюшка» А. М. Ремизова).

2. Двучленные:

2.1. Имя + отчество, которое употребляется в народно-разговорной форме: *Иван Степаныч, Федор Иваныч* («Медведюшка»).

2.2. Два личных имени: *Кузьма-Демьян* («Воробьиная ночь»). В данной сказке такая форма собственного имени восходит к народным святым [14, с. 18],

¹ *Кургузка* – куцое животное (примеч. А. М. Ремизова) [15, с. 174].

² *Леснь-птица* – мифическая птица, живет в лесу, там и гнездо вьет, а если уж начинает петь, так поет без просыпу (прим. А. М. Ремизова) [Там же, с. 164].

³ *Вындрик-зверь* (зверь Индр, Индрик, Вындрик, Единорог) – мифический зверь, с одной стороны – властитель подземелья, с другой – спаситель вселенной во время великой засухи [Там же, с. 170].

к святым *Косме* и *Дамиану*, которые в народном представлении слились в один образ *Козьмы-Демьяна*, «божьего коваля».

Можно отметить тот факт, что писатель достаточно часто вводит в свои сказки агнонимы, соотнося их с народными поверьями, пословицами и святыми. Например, в сказке «Черный петух» приводится своеобразное народное объяснение лунных пятен: «На месяце все по-прежнему подымал на вилы *Каин Авеля*» [15, с. 15]. А. М. Ремизов в сказке «Борода» сравнивает святого *Илью* со славянским божеством *Громовником*: «Катил за облаками *Илья*, грохотал *Громовник* на своей колеснице, аж поджилки тряслись» [Там же, с. 20]. В этом наименовании писатель передал тот момент перехода от язычества к христианству, когда *Громовника* (или *Перуна*) просто переименовали в пророка *Илью*, сочтя, как пишет А. Асов, что «это суть христианское имя того же бога⁴» [3, с. 91].

Автор обращается в сказках к передаче особенностей определенных говоров, отражает произношение некоторых имен: «Иди к нам, бабушка, иди, пожалуйста, глянь: наша *Вольга* уже твердо на ножки встает» («Разрешение пут») [15, с. 39]. Начальное «в» в имени *Вольга* является прибавочно-придыхательным, подобно: острый – *во*стрый (рус.) – *го*стрый (укр.).

«Старая вещая знает, – видит веревку, шепчет заклятье, режет:

– *Пунтилей*, *Пунтилей*, пути распутай, чтобы *Вольге* ходить по земле, прыгать и бегать, как прыгает в поле зверье полевое, а в лесе лесное» («Вольга») [Там же, с. 24]. *Пунтилей* в речи старухи в данной сказке не что иное, как имя святого Панлеймона [Там же, с. 171].

В начале XX века А. М. Ремизов помимо русского фольклора стал осваивать творчество народов Сибири, Кавказа, Тибета, что отразилось и в сказочных произведениях писателя. Так, в сказке «Купальские огни» представлен синтез русских и восточных наименований: *Иван-царевич*, *Иван-поп*, *Аришка*, *Рагуля* и *Фаладей*, *Кудеяр-разбойник*. Если первые три примера понятны, так как являются общеупотребительными на русской почве, то наименования персонажей *Фаладей* и *Кудеяр* требуют этимологического толкования. Скорее всего, *Фаладей* восходит к *Фалалей*, который по-разному трактуется у В. И. Даля и в «Справочнике личных имен народов РСФСР» под редакцией А. В. Суперанской. В. И. Даль, объясняя этимологию, считает, что *Фала(е)лей*, *фалелюкь* имеет значение «простака, простофиля, разиня...фалалей, повеса» [5, т. 4, с. 531]. В «Справочнике личных имен...» имя *Фалалей* соотносится с греч. *thalellaios* – «цветущая маслина» [17, с. 530]. Думается, что А. Ремизов был знаком со значением слова *Фалалей*, зафиксированном в «Словаре...» В. И. Даля, поскольку характеристика героя в сказке в основном соответствует толкованию Даля. Имя *Кудеяр* также по-разному трактуется в современных источниках. Так, В. С. Казаков считает, что *Кудеяр* – это мужское имя, обозначающее «кудесник Яриль», т. е. исследователь видит в данном собственном имени славянскую основу (он пишет о Кудеяре Тишенкове, боярском сыне, изменнике, убеждавшем в 1571 году Крымского хана Деви́т-Гирея напасть на Москву) [10, с. 37]. В «Справочнике личных имен...» указана национальная принадлежность и происхождение имени *Кудеяр* (*Кудаяр*) – мужское алтайское, тюркское имя [17, с. 58]. Содержание «Купальских огней» А. Ремизова позволяет сделать вывод, что писатель все же написал сказку в восточном стиле; даже если он и был знаком с событиями России XVI века, то на содержании сказки это не отразилось.

⁴ Затем *Илью Громовержца*, совершавшего небиблейские подвиги, стали именовать не Ильей пророком, а Ильей Муромцем, более понятным русским людям [3, с. 91].

В сказке «Снегурушка» впервые встречается персонаж с наименованием *Алалей*, который в дальнейшем станет одним из главных в цикле «К Морю-Океану». Наименование *Алалей* является именем самого автора – так его впервые произнесла дочь писателя Наташа – и именно в таком виде Ремизов ввел его в свои сказки.

Исследуя особенности наименований персонажей «Пóсолони» А. М. Ремизова, следует отметить, что они не исчерпываются поэтической реконструкцией народных сказок и мифов. Писатель оставляет за собой право индивидуального имятворчества, будь то наименования персонажей, фантастических существ, созданные по мотивам фольклорной ономастики, или совершенно особые наименования, возникшие по воле автора [12, с. 5].

Содержание первого цикла «Пóсолони» («Весна-красна») представляет собой мифологическую обработку детских игр, обрядов, сказок, отсюда и введение в сказочный контекст соответствующих наименований⁵. От того, что игры и обряды Ремизов представляет через детское восприятие, персонажи часто олицетворяются. Так, в сказке «Красочки» происходит персонификация игровых ролей (персонажи изображаются одновременно и как цветы, и как дети), поэтому в ней представлены фитофорные наименования: *Незабудка*, *Фиалка*, *Ромашка*, *Гвоздика* [15, с. 10–11].

В сказке «Калечина-малечина» (цикл «Лето красное») продолжается мотив детской игры, и уже само название игры становится наименованием персонажа: «У *Калечины* одна – деревянная нога, / у *Малечины* одна – деревянная рука, / у *Калечины-Малечины* один глаз – маленький, да удаленький» [Там же, с. 23]. Наименование *Калечина-Малечина* относится к так называемым парным словам, в которых второе слово остается связанным с исходной формой, меняется лишь первый звук, сравните: *каракули-маракули*, *фигли-мигли*, *шашлык-башлык* и т. п.

По такому же типу писатель именуется следующих персонажей: *Пери* да *Мери*, *Шуды* да *Луды*, *Соломина-воромина*⁶ («Ночь темная») [Там же, с. 44], *Купена-лупена* («Борода») [Там же, с. 34].

Ремизов неоднократно обращается к книге Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (1903–1905 годы) [1], что, конечно же, отразилось на «обрядовом» содержании сказок писателя.

Например, один из зимне-весенних обрядов – сжигание костромы – Ремизов изображает как большой детский праздник, в котором *Кострома*⁷ ожила, а имя её обрело значение и образ: «Идет она по талым болотцам, по вспаханым полям, да где-нибудь на зеленой лужайке и заляжет; ... брюшко у *Костромы* мяконькое, переливается...» («Кострома») [15, с. 13].

В сказке «Борода» привлекает внимание описание обряда крестьян-земледельцев: «Подоспели дожинки. Дожинают и вяжут последний сноп. Уж кличут на *Бороду*. ... Собрала *Борода* людей вместе, – поднялось на всю ниву веселье» [Там же, с. 33]. Очевидна связь данного отапеллятивного наименования с сельскохозяйственным культом почитания Велеса и обычая оставлять на сжатом поле «жмению колосьев Велесу (или Волосу) на *бородку*» [11, с. 225]. Обозначение

⁵ Текст-источником для первого цикла «Весна-красна» Ремизова послужил словарь П. Н. Тихонова «Брянский говор. Заметки из области русской этимологии» (1904) [19]. Как правило, в каждой из сказок писатель значительно расширяет первоисточник, к тому же вводит собственные имена, которых в нем не было.

⁶ Слова *Шуды-луды*, *Соломина-воромина* взяты из «Отчета о диалектологической поездке в Вятскую губернию» Д. К. Зеленина [9].

⁷ *Кострома* – данное наименование связано с русским «костер», «костра» и другими обозначениями коры растений [13, с. 296].

последней горсти колосьев, называемых «Волосовой бородкой», известно только русским; у западных и южных славян его нет. У югославов сохранилось выражение «божья борода», но имя бога уже забыто [Там же, с. 225].

В сказке «Корочун» представлен обряд языческого почитания *Карачуна* (21 декабря), который приходится на день зимнего солнцеворота (самый короткий день в году) [13, с. 278]. Этимология данного наименования двояка: с одной стороны, с древнерусского «корочунъ» переводится как рождество, с другой – на белорусском языке «корочун» обозначает внезапную смерть в молодом возрасте, злой дух, сокращающий жизнь [Там же, с. 278]. В народе понятие «*карачун*» в смысле гибели, смерти используется до сих пор. Например: «пришел ему *карачун*», «жди *карачуна*», «задать *карачуна*», «хватил *карачун*».

Постепенно в народном сознании *Карачун* сблизился с *Морозом*, который сковывает стужей землю, как бы погружая ее в смертный сон. Именно такой переход и фиксируется Ремизовым в сказке: «Царствует дед *Корочун*. В белой шубе, босой, потряхивая белыми лохмами, трясая сивой бородой, *Корочун* ударяет дубиной в пень, – и звенят злоющие зюзи, скребут коготками *морозы*, аж воздух трещит и ломается. Царствует дед *Корочун*» («*Корочун*») [15, с. 48].

Особыми источниками сказок Ремизова, по утверждению И. Ф. Даниловой, являются областные словари [7, с. 92]. В частности, в словаре Д. К. Зеленина встречаются нарицательные «*вытарашка*», «*шандырь-бандырь*» [9], которые писатель в своих сказках использует в качестве наименований персонажей: «И восхихикала лебедью алая *Вытарашка*, раскинула крылья зарей, – не угнать ее в черную печь, – знобит неугасимая горячую кровь, ретивое сердце, истомленное купальским огнем» («*Купальские огни*») [15, с. 30]; «*Шандырь-шептун* пускал по ветру *нашепты*, сторожил, отгонял от башни злых хундов» («*Ночь темная*») [Там же, с. 44]. Сам автор объясняет эти наименования в примечаниях следующим образом: *Вытарашка* – олицетворение любовной страсти, лишаящей человека рассудка [Там же, с. 169], *Шандырь-шептун* – колдун, это наименование встречается в детской считалке «*Шандырь-бандырь козу гнал, немец курицу украл*» [Там же, с. 172]. Ю. В. Розанов же считает, что в образе *Шандыря-шептуна*, пускающего по ветру «*нашепты*», можно видеть знакомство писателя с материалами А. А. Потебни, подтверждающими, что «ветер не только переносит весть..., но и сам есть молва, слух..., напраслина» [16, с. 19].

Отдельную группу наименований персонажей составляют названия болезней, которые олицетворяются в «пóсолонных» сказках по мифологической модели. Например: «Вышла из бора старуха *Ворогуша*⁸, пошла с костылем по полю» («*Кукушка*») [15, с. 21]; «И они чахлые и заморенные – *Коровья смерть*⁹ да *Веснянка-Подосенница*¹⁰ с сорока сестрами пробегают по селу, старухой в белом саване, кличут на голос. Много они натворили бед – съешь их волк! – то под тыном прикинется – *Подтынница*, то на дворе пристягнет – *Навозница*, то соскочит с веретена да заскочит в пряжу – *Веретенница*, то выскочит с болотной кочки – *Болотница*: им бы портить скотину, вынимать румянец из белого лица, вкладывать стрелы в спину, крючить на руках пальцы, трясма трясти тело» («*Черный петух*») [Там же, с. 24–25]. Данные наименования имеют прозрачную семантику: *Подтынница* образовано конфискальным (или префиксально-суффиксальным) способом от слов «под тыном», *Веретенница*, *Навозница*, *Болотница* – суффиксальным от нарицательных «веретено», «навоз» и «болото» соответственно. Сам

⁸ *Ворогуша* – одна из сестер-лихорадок (Примеч. А. М. Ремизова) [15, с. 165].

⁹ *Коровья смерть* (Черная Немочь) – у русских персонификация смерти рогатого скота [13, с. 296].

¹⁰ *Веснянка-Подосенница* – весенняя и осенняя лихорадка (Примеч. А. М. Ремизова) [15, с. 167].

же Ремизов в примечаниях пишет: «*Подтынница, Навозница, Веретенница, Болотница* и др. – названия сорока сестер-лихорадок» [Там же, с. 167], не уточняя их происхождение. Наименование *Ворогуша*, скорее всего, происходит от апеллятива «ворожея» (*Ворогуша – ворогуха – ворожея*), об этом пишет и сам Ремизов [Там же, с. 165].

Особое место занимает в «Пбсолони» сказка «Зайка»: в ней появляются герои, которые перейдут в цикл-продолжение «К Морю-Океану». Это некая совсем маленькая *Зайка* и ее друг *Кот Котофейч*. Сказка – одна из лучших в сборнике. Она представляет собой поэму в прозе о раннем детстве, проходящем «как один прекрасный сон» – среди неведомых чудовищ и зверей. К этим сказочным персонажам примыкают игрушки, вербализируемые А. М. Ремизовым как визуальные источники сказочных образов: *Кучерище, Медведь с Мужиком, гадкий Зародыш, Лягушка-квакушка*: «С ней [Зайкой] скакала *Лягушка-квакушка* с отбитой лапкой... В окне показывался *Кучерище*, подпирал *Кучерище* скулы руками, ел Зайкины игрушки. ... И поднимался из-за угла гадкий *Зародыш*, залезал *Зародыш* в фонарик, дул в огонек. ...» [15, с. 72]; «Не успела Зайка оглянуться в лесу, попался ей *Медведь с Мужиком*: *Медведь с Мужиком* стояли на палочке, ковали железо, песни пели» («Зайка») [Там же, с. 76]. Неоценимым источником понимания сказок Ремизова становятся его примечания к тексту, из которых становятся понятно, что *Лягушка-квакушка* с отбитой лапкой – *фарфоровая игрушка с отбитой лапкой*; *Кучерище* – это игрушка-шелкун; *Зародыш* – такой из пузыря человек, «когда его сдуешь, распухнет, а когда воздух выйдет, то пискнув, он свернется в раскрашенную пленку»; *Медведь с Мужиком* – деревянная игрушка [Там же, с. 175].

В сказке представлен синтез наименований: антропонимы (*Епифашка*), зоофорные имена (*Котофей Котофеевич, Коза, Петушок – золотой гребешок, Курочка-кудахточка*), мифонимы (*Баба-яга*), встречаются и придуманные автором персонажи. Например, персонаж «ветер в трубе» – наделен Ремизовым именем *Васютка*; пугает писателя Зайку и страшной старухой: «Не дай бог повернет *Буроба* в башеньку! Подымится *Буроба* вверх по лестнице, возьмет Зайку в мешок и унесет собою, да и съест. Которые дети не ложатся, *Буроба* в мешок собирает» [Там же, с. 72]. Прозвище сказочного персонажа *слепышка Листин* имеет прозрачную семантику, которая обыгрывается и раскрывается в тексте сказки: «Пройдет мимо дерева *слепышка Листин*, прошуршит *листьями*, не бойся: *Листин* не страшный, *Листин* только пугать любит» («Зайка») [Там же, с. 75].

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что идея календарного цикла, положенная Ремизовым в основу «Пбсолони», дала писателю уникальную возможность органично соединить различные по жанру произведения, что отразилось на онимическом пространстве и предопределило синтез наименований в сказках.

А. М. Ремизов традиционно сохраняет «сказочные» наименования и их структуру (*Иван-царевич, Снегурушка*), зоонимы и зоофорные наименования (*Зайка, Зайчик Иванович*), активно использует мифонимы (*Змей, Домовой*) и агнонимы (*Егорий, Илья*), вводит реальную антропонимию (*Дарья, Петька, нянька Власьевна, Пахом*), при этом достаточно часто отражая народно-разговорное произношение (*Пунтилей, Федор Иваныч*).

Индивидуально-авторскими чертами писателя в имятворчестве можно назвать следующие:

1. Ремизов создает наименования персонажей по типу фольклорных и мифических (*Буроба, Коца-ведьма*).

2. Употребляет контекстное обыгрывание наименований с прозрачной семантикой (*Листин, Веснянка* и др.).

3. Благодаря обрядовой основе сказок писатель возводит в ранг имен собственных апеллятивы – названия обычаев, обрядов, игр (*Борода, Корочун, Кострома*).

4. Писатель онимизирует названия болезней (*Коровья Смерть, Болотница* и др.), игрушек (*Кучерище, Зародыш*).

5. Использует парные наименования (*Калечина-Малечина, Шуды-Луды*).

Индивидуально-авторские сказки Ремизова представляют собой высокохудожественный синтез жанров со своим особенным миром и онимным пространством.

С точки зрения дальнейшего изучения литературной ономастики, представляют интерес наименования персонажей и в других сказочных циклах писателя.

Библиографические ссылки

1. **Аничков Е. В.** Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян : в 2 ч. / Е. В. Аничков. – СПб. : Типография Императорской Академии наук. 1903 – ч. 1 : От обряда к песне. – 392 с.; 1905 – ч. 2 : От песни к поэзии. – 1905. – 404 с.
2. **Артемьева О. В.** Мифопоэтика прозы Алексея Ремизова: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / О. В. Артемьева. – М., 1999. – 18 с.
3. **Асов А. И.** Родные боги славян / А. И. Асов. – М. : Изд-во ФАИР, 2011. – 416 с.
4. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985. – Т. 1. – 1985. – 512 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – Т. 2. – 1955. – 780 с.; Т. 4. – 1955. – 684 с.
6. **Данилова И. Ф.** Об именах у Ремизова: Старец Гоносий и другие / И. Ф. Данилова // *Varietas et Concordia. Essays in Honor of Professor Pekka Pesonen On the Occasion of His 60th Birthday.* – Helsinki, 2007. – P. 293–311.
7. **Данилова И.** Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-годы) / И. Ф. Данилова. – Helsinki : SLAVICA HELSINGIENSIA, 2010. – 272 с.
8. **Доценко С.** Русская Ленора: литературные и фольклорные источники А. М. Ремизова / С. Доценко // *Литературный процесс и развитие мировой культуры : материалы и тезисы конф.* 30.III.–2.IV.1992. – Таллинн, 1994. – С. 65–68.
9. **Зеленин Д. К.** Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию / Д. К. Зеленин // *Сб. ОРЯиС Имп. Академии наук.* – СПб., 1904. – Т. 76. – № 2.
10. **Казаков В. С.** Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ, с толкованием их значения и происхождения / В. С. Казаков. – Калуга : Золотая аллея, 1997. – 168 с.
11. **Кайсаров А. С.** Мифы древних славян. Велесова книга / А. С. Кайсаров, Г. А. Глинка, Б. А. Рыбаков. – Саратов : Надежда, 1993. – 320 с.
12. **Колосова В. Б.** Мифология растений в сказочных циклах А. Ремизова «Посолонь» и «К Морю-Океану» (об отношении мифопоэтического образа к фольклорному источнику) / В. Б. Колосова, С. Ю. Королева // *Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени* / [отв. ред. С. Ю. Неклюдов]. – М. : РГГУ, 2009. – Вып. 57. – С. 110–128.
13. **Мифологический словарь** / [гл. ред. Е. М. Мелетинский]. – М. : Сов. энцикл., 1991. – 736 с.
14. **Петровский Н. А.** Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М. : Рус. словари; Астрель, 2000. – 480 с.
15. **Ремизов А. М.** Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Докука и балагурье / А. М. Ремизов. – М. : Рус. кн., 2000. – 720 с.
16. **Розанов Ю. В.** Фольклоризм А. М. Ремизова : источники, генезис, поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Ю. В. Розанов. – Великий Новгород, 2009. – 36 с.

17. **Справочник личных имен народов РСФСР** / [под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева]. – М. : Рус. яз., 1979. – 574 с.
18. **Тиханов П.** Брянский говор. Заметки из области русской этнологии / П. Тиханов // Сб. ОРЯиС Имп. Академии наук. – СПб., 1904. – Т. 76. – № 4.
19. **Целовальников И. Ю.** Интертекстуальность прозы А. Ремизова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / И. Ю. Целовальников. – Волгоград, 1999. – 20 с.
20. **Чуйкова О. А.** Мифологический аспект прозы А. М. Ремизова 1900-х – начала 1910-х гг. : автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / О. А. Чуйкова. – М., 1997. – 18 с.

Надійшла до редколегії 03.02.14